

“Биолингвистика” Т. Гивона представляет собой мультидисциплинарный компендиум, оригинальное научное исследование и учебное пособие одновременно. Модель, по которой образовано слово *биолингвистика*, выражает заявку на введение в лингвистический обиход термина, репрезентирующего новую научную дисциплину. Заявка эта представляется обоснованной. Как будет развиваться эта дисциплина и насколько употребительным станет термин, покажет время.

Предисловие, десять глав и эпилог посвящены формулированию, доказательству и иллюстрации основного положения биолингвистики: язык является ареной действия и в то же время результатом адаптивных механизмов.

В предисловии Гивон отмежевывается от идеалистической традиции в языкознании и провозглашает отказ от жесткого разграничения биологии и культуры. “Биолингвистика” посвящена памяти Дж. Гринберга. Это посвящение – не формальная дань памяти. Корни эволюционного подхода к языку Гивон видит в научной идеологии Гринберга – во внимании к взаимодействию постоянного (универсального) и изменчивого (разнообразного) в языке.

В первой главе (“Язык как результат биологической адаптации”) основные идеи биолингвистики напрямую связываются с законами биологии (“матери всех гуманитарных наук”), в которой – это доказывается убедительным цитированием – всегда господствовал здравый смысл. На здравый смысл в “Биолингвистике” – равно как и в других своих сочинениях – всегда опирается и Гивон. “Биолингвистика” представляет собой очередной этап в развитии функционализма. На основе здравого смысла строится аксиоматика биолингвистики. В частности, признается, что природу, происхождение и развитие языка определяют его основные функции: передача и хранение информации.

Со свойственной Гивону четкостью и лаконичностью в первой главе вводятся основные понятия новой научной дисциплины. Когнитивная система отражения и система кодирования представляют собой две составные части знаковой коммуникации людей. Система отра-

жения включает в себя лексикон концептов, пропозициональную информацию и мультипропозициональный дискурс. Система кодирования состоит из периферийного сенсорного и грамматического кодов. Последний рассматривается как инструмент для быстрого порождения речи путем конвенционализации и автоматизации соответствующих элементов смысла и, как и остальные компоненты порождения речи, является результатом действия адаптивных процессов.

Из небольшого по объему, но в высшей степени убедительного обзора современных биологических представлений следует, что (биологические) организмы характеризуются функционально мотивированной организацией, изменчивостью вследствие отбора и популяционной вариативностью. Такого рода представления кладутся в основу биолингвистической теории, поскольку биология является фундаментом всех систем, обеспечивающих коммуникацию. Вариативность в языке должна рассматриваться не как нечто исключительное, а как естественное явление, связанное с адаптивным характером языка. Логически связанным с предыдущими является и следующий тезис: вследствие огромного количества факторов, влияющих на постоянно изменяющуюся, находящуюся в динамическом равновесии систему языка, языковые универсалии не могут быть абсолютными, а значит и не должны рассматриваться как таковые лингвистами. Как следствие, Гивон настаивает на том, что жестких границ между функциональным, типологическим и историческим языкознанием не существует.

Методом *reductio ad absurdum* доказывается несостоятельность структуроцентристского подхода в типологии. В первой главе также впервые появляется сквозной (отрицательный) герой “Биолингвистики” – Н. Хомский, которого Гивон считает своим главным идеологическим противником.

Одна из особенностей научного стиля Гивона заключается в том, что теоретические положения разного уровня обобщения всегда опираются на обширный, неожиданный и разноплановый лингвистический материал, кото-

рый служит для доказательства или для иллюстрации. В частности, и основные положения, сформулированные в первой главе, блистательно иллюстрируются анализом разнообразия пассивных конструкций в разных языках. Эта развернутая иллюстрация позволяет пронаблюдать взаимодействие случайного и закономерного в функционировании и историческом развитии языка, в закреплении способов кодирования того или иного значимого элемента.

В теоретический фундамент биолингвистики – как предмета науки, так и учебной дисциплины – включено также положение о диахронической обусловленности языкового разнообразия.

Поразительное сходство процессов, приводящих к становлению грамматических конструкций и к формированию биологических существей в процессе эволюции, не случайно – оно определяется самой адаптивной природой языка, отсутствием четкой границы между биологией и культурой. Вариативность, которая в сосюррианской лингвистике трактуется как артефакт, на самом деле является кардинальным свойством языка, объясняемым неединственностью путей, ведущих к становлению новых языковых средств на базе разных исходных функциональных элементов. Это равно относится и к (синхронной) вариативности в одном языке, и к межязыковому разнообразию.

В преамбуле ко второй главе (“The bounds of generativity and the adaptive basis of variation”) Гивон “сталкивает лбами” две противоположные, крайние доктрины: хомскианские представления о грамматике как об алгоритме, работающем по абсолютно жестким правилам, и теоретические положения П. Хоппера [Hopper 1987; 1991], который считает, что грамматика полностью подвижна (“flexible”). Гивон противопоставляет этим радикальным лингвистическим теориям основанное на здравом смысле описание грамматики, находящееся в согласии с законами биологии, с когнитивными и коммуникативными закономерностями. Такое грамматическое описание не допускает впадения ни в одну из возможных крайностей. Примеры такого подхода (не только в грамматике) Гивон видит, например, у Сепира и Есперсена, в прототипической теории Э. Рош, в некоторых биологических исследованиях (Э. Майр, Дж.Т. Боннер и др.).

В основной части второй главы Гивон polemизует не только с современниками – представителями “экстремальных” взглядов (Хомским и Хоппером), – но и с их предшественниками, со всей традицией, идущей от Платона (Бл. Августин, Декарт, Рассел), с идеями о том, что категории разума (“mind”) являются ясны-

ми, четкими, дискретными. Также упоминаются предшественники Хомского и Хоппера в области психологии, а именно исследователи ориентированной на логику семантики – для первого и недискретных активируемых семантических сетей – для второго.

В качестве фундамента для своего рода “среднего пути” при анализе грамматических категорий берется прототипическая теория, основы которой кратко излагаются в главе 2. Разумеется, свои соображения Гивон доказывает “на примерах” – каждый из них представляет собой законченный научный текст, который может жить и вне учебника. Самым выразительным мне представляется анализ спонтанной коммуникации на английском. Достаточно большой фрагмент диалога может дать тем читателям, которые раньше не имели дела с естественной разговорной речью, хорошее представление о том, как далеко она от идеальной грамматики. Производит впечатление и фрагмент “перевода” с реальной грамматики на идеальную. Статистическая обработка диалога, однако, показывает, что отклонений от нормативной грамматики в устной речи оказывается только около 2%. Тем самым факты говорят о том, что в грамматике сложным образом переплетены строгая платонийская подчиненность порождающим правилам и виттгенштейнианская свобода (“rigid Platonic generativity” и “Wittgensteinian free-for-all”).

Причины такого положения вещей (изложенные в заключении ко второй главе) кроются в самой природе грамматики: грамматика служит ускорению коммуникации и поэтому должна быть автоматизированной, но отчасти она должна быть и подвижна (“flexible”) для того, чтобы адаптивные изменения и процесс обучения были возможны.

Третья глава (“The demise of competence”) начинается с обсуждения (не)конфигурационности. Открытие существования так называемых неконфигурационных языков поставило под сомнение самые основы формального грамматического описания: универсальность структур составляющих, зависимостей и линейного порядка слов как формальных аспектов грамматализованных предложений. Включаясь в обсуждение проблем, связанных с (не-)конфигурационностью, Гивон отмечает, что, как это ни удивительно, не существует никаких статистических сведений о распределении конфигурационных и неконфигурационных черт в естественных текстах, и рассматривает эту ситуацию как естественное следствие из базовых теоретических положений генеративизма, которые в общем и не предполагают обращения к чему-либо, кроме хорошо опре-

дактированных письменных текстов или искусственных примеров, не имеющих контекста.

Гивон замечает, что прототипический неконфигурационный язык – и почему-то никто не удивляется этому факту – всегда оказывается принадлежащим “экзотической, племенной, бесписьменной, незападной культуре”, в то время как прототипический конфигурационный язык всегда оказывается “стандартизированным, письменным, литературным, западным, английским”.

Далее, естественно, излагаются результаты сравнения устного английского с письменным и их обоих с “неконфигурационными” языками. Изложить по-русски суть этого рассуждения придется с нарушением привычной сочетаемости лингвистических терминов. Дело в том, что в русской лингвистической традиции термины “язык” и “речь” употребляются исключительно в (пост)сословных значениях. Словосочетания “устный язык” и “письменный язык” выглядят по-русски достаточно странно, а английские словосочетания “oral language processing” и “written language processing” дословного эквивалента, как мне представляется, вообще не имеют. Существуют устойчивые терминологические сочетания “порождение речи”, “восприятие речи”, “речевая деятельность”. Представляется, однако, что перевод термина “language” как “речь” в данном случае недопустим, тем более, что третья глава посвящена как раз обсуждению жесткого генеративистского противопоставления – “competence – performance”. Итак, главное в рассуждении Гивона состоит в том, что одним из следствий адаптивной природы “устного” языка является удивительно высокая скорость оперирования им (= осуществление речевой деятельности на нем). Эта быстрота достигается автоматизированностью процесса. Именно поэтому опора исключительно на письменный язык, не характеризуемый столь высокой скоростью и автоматизированностью, для построения грамматической (общелингвистической) теории является по меньшей мере странной. Тем самым competence – этот “методологический *deus ex machine*” Хомского – является не чем иным, как эмпирически необоснованным философским предразсудком, унаследованным и у Платона, и у позитивизма.

Для создания корпуса разговорного английского была применена остроумная методика. Испытуемые порознь смотрели один и тот же фильм, при этом им сообщали, что фильмы не идентичны. В свободной беседе они пытались найти различия. Количественное сравнение неконфигурационных черт в устном дискурсе по-английски с разговорным юте – юто-ацтекским языком, традиционно считающимся не-

конфигурационным, – показало, что само понятие неконфигурационности не наполнено никаким смыслом.

В заключении к третьей главе обсуждается содержание понятия “competence”. Это понятие, как утверждает Гивон, служит прикрытием для лингвистов, которые стремятся свести объект исследования лингвистики к отредактированному письменному языку. Однако результаты эксперимента, проведенного Гивоном, еще раз подтвердили тот факт, что, с одной стороны, грамматика не может на 100% подчиняться правилам, но, с другой стороны, она не может быть и на 100% дискурсивно обусловленной, подвижной (flexible, emergent). Поскольку грамматика является автоматизированным инструментом для порождения и восприятия речи, уровень ее подчиненности правилам (“генеративности”) не может опуститься ниже 90–80% (данные описанного эксперимента находятся в полном соответствии с этим теоретическим предположением).

Основной теоретический итог этой главы затрагивает статус понятия “компетенции” (“competence”), которое, согласно Гивону, следует реинтерпретировать как тот уровень речевого “употребления” (“performance”), который достигается при максимальной автоматизированности (и, следовательно, подчиненности правилам). При таком понимании понятие компетенции оказывается методологической базой для исследования оперирования информацией в биологических средах.

Четвертая глава (“Human language as an evolutionary product”) содержит междисциплинарные сведения, касающиеся языковой эволюции. Все “продукты эволюции” вырастают из эволюционно более старых систем – основная идея четвертой главы заключается в том, что функционирование человеческого языка вырастает из системы обработки зрительной информации у приматов. Вопросы, относящиеся к этому положению, связаны с врожденностью механизмов функционирования языка. Естественно, Гивон включается в пресловутую полемику между генеративистами и функционалистами о модулярности или единстве речевого механизма человека (interactionism vs. modularity) и обсуждает две крайние точки зрения. 1) Все модули, обеспечивающие речевую деятельность, не являются собственно языковыми, они продолжают выполнять свои эволюционно более старые, не связанные с языком функции. 2) Все модули, обеспечивающие речевую деятельность, являются эволюционно новыми или, по крайней мере, существенно измененными для выполнения новой задачи. От функционалиста естественно ожидать приверженности первому из двух положений. Однако

Гивон, склонный придерживаться точек зрения, основанных на фактах, а не на априорных идеологически окрашенных убеждениях, признает, что истинный ответ на этот вопрос еще не найден, и отмечает (как одну из трех возможностей), что искомая истина может оказаться где-то посередине.

Далее Гивон переходит к предположению о том, что в процессе языковой эволюции должны были иметь место два цикла развития языкового кода: появление лексикона и появление грамматики. Следовательно, должны существовать “адаптивные” причины для обоих. Для их выявления в четвертой главе с функционально-адаптивной точки зрения рассматривается человеческая коммуникация.

Сначала уточняются и наполняются новым, в частности, психологическим, содержанием введенные ранее понятия. Рассматриваются на новом витке составляющие системы отражения (“cognitive representation system”).

“Лексикон концептов” (“conceptual lexicon”) описывается как сеть, состоящая из узлов и связей между ними. Эта сеть содержит относительно стабильные лексические концепты. В психологической литературе лексикон концептов обычно называется семантической памятью.

“Пропозициональная информация” (“propositional information”), кодируемая грамматически при помощи клаузы, соответствует тому, что в когнитивной психологии обычно называется эпизодической памятью.

Дискурс (включающий больше, чем одну пропозицию, “multi-propositional discourse”) состоит из более мелких единиц, самые маленькие из которых закодированы как цепочки клауз. В психологии многопропозиционный уровень признается особым уровнем отражения, несмотря на то, что он часто смешивается с уровнем отдельной пропозиции в рамках понятия эпизодической памяти.

Далее Гивон высказывает соображения по поводу коммуникативно-знаковых кодов. Периферийный сенсомоторный код – фонетические слова, т. е. планы выражений слов – включает перцептивное декодирование и артикуляторное кодирование. Особенно подробно обсуждается грамматический код. Грамматика – эволюционно наиболее молодой компонент коммуникации (приводятся факты, подтверждающие это положение). В главе анализируются грамматика как структурный код (в специальной таблице сопоставляются грамматические функции и соответствующие структуры).

Затем обсуждаются и иллюстрируются закономерности пре- и протоморфологической коммуникации с целью продемонстрировать ее

ориентированность на использование лексических, а не грамматических средств, что представляет собой еще один аргумент в пользу того, что эволюционно лексикон предшествует грамматике.

В соответствии с основной задачей четвертой главы описывается нейрофизиология системы обработки зрительной информации у приматов – эта система предстает как несомненно интерактивная и иерархически организованная. Обработка зрительной информации распадается на два потока: узнавание статических объектов и распознавание динамических объектов (эпизодов). Таким образом, устанавливаются ряды соответствий: “распознавание объектов – семантическая память – лексикон” и “пространственные отношения/движение – эпизодическая память – пропозиции”.

Следующий шаг в развитии темы – обзор фактов, связанных с нейрофизиологией языка человека. Разумеется, рассматривается вопрос о том, являются ли модули, вовлеченные в речевую деятельность, предназначенными исключительно для нее или нет.

Обзор фактов – в основном обобщение современных знаний о мозговой локализации функций, различные экспериментальные данные и данные афазиологии – приводит к заключению о том, что нейронные цепи, обеспечивающие речевую деятельность человека, сформировались на базе эволюционно более старых структур, прежде всего – компонентов системы зрительной обработки информации. В поддержку этого утверждения приводятся три группы аргументов. Во-первых, это аргументы в пользу того, что зрительно-жестовая знаковая система преобладала на ранних стадиях коммуникации человека; во-вторых, это аргументы в пользу того, что в дальнейшем произошел переход к устно-слуховой знаковой системе, и наконец, это аргументы в пользу того, что становление грамматики было самым поздним шагом в развитии языка.

Эти положения – и прежде всего последнее – подтверждают представление о языке как о результате эволюции, возникшем путем аналогии и функциональной перестройки нейронных структур, существовавших до появления человека. Иными словами, модули, обеспечивающие речевую деятельность, не новы (эволюционно), и не предназначены исключительно для коммуникации посредством языка. Этот комплекс идей хорошо согласуется с закономерностями освоения родного и неродных языков.

Пятая глава (“An evolutionary account of language processing rates”) по сути дела представляет собой единый комплекс вместе с четвертой. В ней излагаются результаты эксперимента,

подтверждающего гипотезу, согласно которой нейронные механизмы, обеспечивающие обработку языковой информации человеком, являются результатом развития системы обработки зрительной информации у приматов.

Сравнение некоторых известных ранее фактов и новых экспериментальных данных выявило поразительное совпадение временных параметров обработки зрительной информации и порождения речи, что трактуется как подтверждение изложенной выше гипотезы.

Четвертая и пятая главы композиционно и содержательно могут рассматриваться как кульминация всей книги. Последующие главы представляют собой развитие, следствия, иллюстрирование сформулированных в четвертой и пятой главах положений.

Шестая глава ("The diachronic foundations of language universals") переносит рассуждения о законах эволюции в область типологических исследований. Глава начинается с краткой истории представлений о языковом разнообразии и о принципиальном сходстве языков ("diversity vs. univesality"). Затем обсуждаются принципы таксономии явлений, которые описываются типологически. Предлагаются и иллюстрируется функциональный подход к типологии. Основная идея заключается в том, что единственным основанием для сравнения структур должна быть общность или, по крайней мере, схожесть функций. Демонстрируется бесперспективность подхода (от Блумфила до Хомского), при котором универсалии рассматриваются только в синхронном аспекте. Этот подход уподобляется биологии XVIII века и классификации Линнея. Имеющей объяснительную силу является только эволюционная теория, поскольку структуры, выражающие функции, являются результатом различных путей грамматикализации. Исходные ("source") структуры могут быть разными, но их функциональное содержание всегда имеет какие-то общие черты, лежащие в основе "вырастания" новой функции из старой в процессе грамматикализации. Гивон специально отмечает, что принятый им объяснительный, эволюционный, функциональный подход к типологическим обобщениям был заложен Дж. Гринбергом.

Другое направление развития положений, представленных в четвертой и пятой главах, представляет собой седьмая глава ("The neuro-cognitive interpretation of 'context' "). Одним из центральных объектов рассмотрения в этой главе является избирательное внимание. Кратко обсуждаются уже знакомые объекты: лексикон (= семантическая память) и текст (= эпизодическая память). Специально рассматривается понятие "оперативная память" ("working

memory" = внимание). Оперативная (или кратковременная, "short-term") память определяется как небольшое по объему и времени хранения *вместилище для активированной информации в широком смысле слова, т.е. информации, на которой сконцентрировано внимание*. Она включает осознанное направленное внимание и неосознанные компоненты.

Как не требующий доказательств принимается (и с этим трудно спорить) тот факт, что коммуникация – это взаимодействие систем отражения действительности участников коммуникативного акта. Это взаимодействие основано на принадлежности одной культуре, на общем контексте текущего дискурса и ситуации, что отражается в семантической, эпизодической и оперативной памяти соответственно. Благодаря трем перечисленным компонентам, слушающий получает доступ к референтам дискурса, используемым говорящим.

Затем следует описание экспериментальных данных. Испытуемые должны были пересказывать содержание диалогов. Анализ результатов показал, что испытуемые хорошо помнят роли коммуникантов в диалоге (кто и кому что-то сказал), типы отдельных речевых актов и эксплицитно выраженные переменные, связанные с эпистемической модальностью. Интересно, что в своих пересказах испытуемые никогда не делают таких указаний на эпистемическую оценку передаваемой коммуникантами информации и их речевые интенции, которые были бы основаны на имплицитных грамматических средствах. Грамматика, будучи автоматизированным инструментом для порождения и восприятия речи, автоматизирует – среди прочего – и доступ к постоянно меняющемуся контексту коммуникации.

Таким образом, эпизодическая память формируется и через сознательную, и через бессознательную активацию внимания. Внимание селективно и обеспечивает функционирование сложной системы (а не "чистого зеркала") отражения действительности. Релевантность информации и перспектива обеспечивают речевую деятельность в соответствии с принципом "выполняй в первую очередь самую срочную задачу", что делает возможным оперирование устно-слуховым языком в необычайно жестких временных рамках. Доведение до сознания информации требует дополнительного времени. Не удивительно, что грамматика – наиболее совершенный и эволюционно молодой инструмент ускорения передачи информации – используется без участия сознания, в частности, и тогда, когда она используется для имплицитной передачи интенции и эпистемических оценок передаваемой информации. В ситуации прессинга речевого

времени большое количество (иррелевантных) деталей “объективной” ситуации должно утрачиваться. Постоянно меняющиеся эпистемически-интенциональные оценки содержания коммуникации релевантны только в момент речи. Именно неосознанное оперирование ими является адекватным результатом адаптации.

Последний вопрос, обсуждаемый в седьмой главе, касается того, как люди моделируют состояние сознания своих партнеров по коммуникации, – делать это необходимо, потому что для осуществления коммуникации требуется, чтобы то, что находится в сфере внимания и “перспектива” в значительной степени были общими для говорящего и слушающего. Самый простой способ достичь этого результата заключается в том, чтобы уподобить свое собственное состояние сознания состоянию сознания другого коммуниканта. Это уподобление вовсе не должно быть осознанным, по всей видимости, оно является результатом эволюционного изменения более примитивных функций.

В восьмой главе (“The grammar of the narrator’s perspective in fiction”) развиваются положения, сформулированные в седьмой главе, в применении к нарративу. Подробно рассматривается еще один аспект перспективы – “голос” рассказчика. Глава построена как анализ нескольких образов современной художественной прозы. Основной вывод этого анализа заключается в том, что даже, если рассказ ведется от третьего лица, в художественной прозе (в отличие от научной и публицистической) происходит постоянная смена перспективы. Эта смена перспективы может быть выражена как лексическими, так и грамматическими средствами. Контроль над сменой перспективы осуществляется рассказчиком от третьего лица. Эти результаты хорошо интерпретируются в рамках эволюционного подхода. Нарратив в художественной прозе представляет собой естественное развитие обычной непосредственной (“face-to-face”) коммуникации, в которой перспектива, разумеется, контролируется говорящим. Художественная проза вводит читателя в непосредственную коммуникацию действующих лиц. Передача контроля над перспективой рассказчику от третьего лица – это прием, служащий для создания воображаемой художественной реальности.

В девятой главе (“The society of intimates”) коммуникация в контексте культуры рассматривается в рамках эволюционного подхода и сама культура представлена как результат адаптации. Законы организации коммуникации в примитивном “обществе своих” (“society of intimates”) сравниваются с законами органи-

зации коммуникации в “обществе чужих” (“society of strangers”).

Доверие и сотрудничество – результат культурной и биологической эволюции – являются основными принципами организации “общества своих”. Эти же принципы лежат в основе “островков близости”, существующих в современных сложных обществах. Социокультурные механизмы сотрудничества “своих” унаследованы от приматов, и поведение в рамках сотрудничества не является сознательным, будучи результатом скорее “ритуализации” или “грамматикализации”, чем сознательного принятия решений. Адаптивные предпосылки для сотрудничества заключаются в том, что в первобытных обществах выживание индивида в огромной степени зависит от выживания других членов сообщества. Тем самым культура и эволюция взаимозависимы и дополняют друг друга.

Основные особенности “общества своих” демонстрируются на примере одного из примитивных сообществ Меланезии. Один из главных принципов этого общества – никаких контактов с чужими, – а также сложный и длительный процесс вхождения “чужого” в сообщество, после чего “чужое” становится “своим”, сравнивается с похожими явлениями в сообществах животных (не только приматов, но и других млекопитающих).

Затем демонстрируются “недостатки” коммуникации в “обществе своих” (на примере сообществ, говорящих на юто-ацтекском языке юте и на чибчанском языке нгобе). Основные принципы такой коммуникации – это направленность на достижение согласия и следование культурным канонам, в связи с чем культура может рассматриваться как механизм автоматизированного социального поведения.

Недостатками коммуникации в “обществе своих” являются замедленный процесс принятия решений и стандартность результата. Изменения в экономике приводят к изменению общественной системы. Для решения новых задач становится необходимой иерархическая (вертикальная) организация, которая предполагает коммуникацию с чужими. “Общество чужих” (как и биологическая популяция) неоднородно. Его неоднородность создает основу для эволюционирования от “обществ своих” к сложноорганизованному современному “обществам чужих”.

Свойством последнего является создание нового типа общности и однородности с помощью информационных средств и одновременно сохранение сфер близкого общения. В сложных современных обществах существует сложившийся в процессе адаптации механизм

обращения к сознательному принятию решения в нестандартных культурных контекстах.

Последняя забавная (и грустная) десятая глава ("On the ontology of academic negativity") перемещает читателя из дружелюбного "общества своих" в академические сферы, которые характеризуются как "маленький пруд, полный голодных акул". В главе обсуждаются философские, лингвистические и антропологические причины "негативизма" в научной среде.

Гивон обращается к философии науки и показывает логические бреши в построении современных научных теорий. Поскольку логическая неопровержимость научных теорий не может быть достигнута, соревновательный момент в науке неизбежен. Соревновательность в данном случае означает отрицание чужих мыслей и теорий. Лингвистический анализ отрицания в научном дискурсе показывает, что оно отличается от собственно логического. В научной полемике не столько отрицаются отдельные утверждения, сколько делается указание на то, "что лелеемые оппонентом убеждения неверны и что говорящий знает лучше". Более того, поскольку в большинстве культур идеи ("дети чьего-то разума") трактуются как неотъемлемые части тела, отрицание чьих-то идей означает и отрицание их автора. Антропологические причины для враждебности в научной среде таковы: в "обществе своих" выражение отрицания может привести к отчуждению, губительному для индивидуума, но в "сообществе чужих" человек может переместиться и создать новые социальные отношения.

Таким образом, десятая глава является композиционно, но не содержательно последним штрихом в обосновании эволюционного подхода к языку и в стирании грани между биологической эволюции, с одной стороны, и эволюции языка и культуры – с другой.

Эпилог, в котором из научного фона выделяется фигура Джозефа Гринберга, звучит в некоторой степени оптимистично.

Эта книга заставит одного читателя задуматься о своей научной и философской платформе или переосмыслить ее, другого – напротив, укрепиться в своих взглядах благодаря коммуникации с единомышленниками, а именно с самим автором "Биолингвистики" и с другими исследователями, открывающими свои мысли и научные позиции в многочисленных разноплановых выдержках, приводимых в книге.

Читатель оказывается вовлеченным в живую полемику, представляющую собой суть современной лингвистики. Автор "Биолингвистики" не равнодушный сторонний наблюда-

тель этих давно тянущихся дебатов, он яростный защитник системы функционалистских (противопоставляемых формалистским) идей.

Уровень обобщения, принятый в этой книге, невероятно высок – возможно, он максимально высокий для книги о языке – что нашло свое отражение в названии. При этом оказалось чрезвычайно трудным представлять текст в сокращенном и обобщенном виде, как требует жанр рецензии, поскольку при высоком уровне обобщения положения, формулируемые на всех без исключения уровнях иерархии текста, связаны между собой, и концепция перестает иметь смысл при изъятии хотя бы одного из них.

Не все компоненты собственно информационной составляющей книги, а также более или менее частные соображения являются новыми: с большей их частью можно было ознакомиться в многочисленных предыдущих публикациях Т. Гивона (прежде всего, [Givón 1979a; 1979b; 1984; 1990; 1995]). Некоторые фрагменты повторяются дважды даже в "Биолингвистике". Но эффект *déjà vu* обманчив. Включенные в различные контексты, одни и те же факты и идеи демонстрируют различные аспекты целостной теории.

Что касается самой теории, то она представляется глубоко и разносторонне обоснованной и органичной. Аргументация, исполненная здравого смысла, заставляет читателя принять теорию и присоединиться к сообществу биолингвистов. Биолингвистика представляет собой новую ступень в обобщении огромного количества исследований, многие из которых уже сами по себе являлись обобщающими. Я думаю, что появление этой книги открывает новый этап развития лингвистики.

Как всякая концептуальная книга "Биолингвистика" не может не вызывать по крайней мере некоторых возражений. Так, например, Гивон в разных контекстах несколько раз говорит о том, что чем выше стадия, на которой осуществляется оперирование языком, тем больше оно автоматизировано и тем меньше при этом совершается ошибок. Между тем, мои многолетние наблюдения над отклонениями в русской устной речи позволяют утверждать, что в речи образованного взрослого едва ли меньше ошибок, чем в речи трехлетнего. Большинство ошибок взрослых являются как раз следствием скорости протекания речевых процессов, которая достигается автоматизацией.

Кроме того, что "Биолингвистика", несомненно, является лингвистическим исследованием нового типа, это еще замечательный учебник, позволяющий воспитать здравомыслящего лингвиста, который не испугается ни

мельчайших деталей частного исследования, ни теоретических высот обобщающей теории.

“Биолингвистика” очень живая и веселая книга. Чувствуется, что ее автор не раз пробовал свое перо в художественной прозе. Хотя к последней “Биолингвистика”, разумеется, не относится, представляется вполне уместным говорить о ее литературных достоинствах. В частности, возникает приятная иллюзия непосредственной (face-to-face) коммуникации с автором, что в полной мере соответствует жанру – курсу лекций. Даже без проведения специальных подсчетов можно быть уверенным в том, что средний индекс частотности слова (обратно пропорциональный разнообразию лексических единиц) в этой книге гораздо ниже, чем обычно бывает в научном тексте. Изложение строится с опорой на многочисленные и разносторонние культурно значимые ассоциации. Я думаю, “Биолингвистика” является не только лингвистическим, но и общекультурным событием.

Единственное, что огорчает русского читателя в этой книге, это то, что в огромном списке литературы не упоминается ни одного русского автора. А между тем, идеи, развиваемые в русской нейрофизиологии, психологии, лингвистике как в современной, так и в классической – я имею в виду, прежде всего, школу Выготского–Лурия и их многочисленных последователей, – очень созвучны Гивону. А связанные с именем Бахтина идеи русского литературоведения, касающиеся законов поли-

фонии в художественном тексте, созвучны тем разделам книги Гивона, где анализируются закономерности смены перспективы в художественной прозе. Разумеется, сказанное не является упреком Гивону, а лишь сожалением о том, как сложилась ситуация в отечественной науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Givón 1979a – *T. Givón*. On understanding grammar. New York, 1979.
- Givón 1979b – *T. Givón*. From discourse to syntax: grammar as a processing strategy // *T. Givón* (ed.). Discourse and syntax. New York; San Francisco; London, 1979.
- Givón 1984 – *T. Givón*. Syntax: A functional-typological introduction. V. I. Amsterdam, 1984.
- Givón 1990 – *T. Givón*. Syntax: A functional-typological introduction. V. II, Amsterdam, 1990.
- Givón 1995 – *T. Givón*. Functionalism and grammar. Amsterdam, 1995.
- Hopper 1987 – *P. Hopper*. Emergent grammar. Berkeley, 1987.
- Hopper 1991 – *P. Hopper*. On some principles of grammaticalization // *E.C. Traugott, B. Heine* (eds.). Approaches to grammaticalization. Amsterdam, 1991.